

<http://doi.org/10.31861/pytlit2020.101.109>

УДК82.09

МЕТАФОРА КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ДИСКУРСА

Луиза Константиновна Оляндэр

orcid.org/0000-0001-8744-4568

olk32@ukr.net

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой

Кафедра славянской филологии

Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки

Ул. Винниченко, 30А, 43025, г. Луцк, Украина

Аннотация. Поставлен вопрос о соотношении метафоры и дискурса. Метафора характеризуется как основной элемент дискурса. При анализе опора идет на бахтинское его понимание, когда дискурс предстает как „целое высказывание”, как „единица речевого общения”, имеющая не значение, а „смысл, имеющий отношение к ценности – к истине, красоте и т. п. – и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку”. С этих позиций на материале пушкинского „Медного всадника”, произведений С. Довлатова, трудов о. П. Флоренского и др. доказывается, что метафора – явление живое, что „метафора – парадигма”, она, „как пороги на реке, заставляет кипеть мысль” (П. Рикёр) реципиента. Метафора рассматривается как средство, способствующее обогащению производительности философского мышления, и может быть „органом философии” (Т. Адорно).

Ключевые слова: внешняя форма слова, внутренняя форма слова, дискурс, дух, звук, метафора, концепт, философия, художественно-философская мысль, метаязык.

Приступив в начале 1950-х к работе над „Проблемой речевых жанров”, М. М. Бахтин сетовал на отсутствие в лингвистике понятия, на концептуализирующее высказывание не как грамматическое предложение, а как „целое высказывание”, которое „уже не единица языка (и не единица «речевого потока» или «речевой цепи»), а единица речевого общения, имеющая не значение, а смысл, имеющий отношение к ценности – к истине, красоте и т. п. – и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку”.

Владимир Тюпа. Жанр и дискурс.

Как известно, значение, исключительные по своей выразительной силе свойства и возможности метафоры в моделировании картины мира (см.: Туранина 2015), отличающие ее от остальных тропов, со времен античности осознаются, прежде всего, писателями и философами. Спектр такого осознания неуклонно расширяется: метафора попадает в сферу заинтересованности лингвистов, литературоведов, психологов, культурологов, социологов, политиков – ученых всех направлений познавательной деятельности человека. Количество посвященных метафоре исследований все увеличивается, о чем свидетельствуют разножанровые работы Р. Якобсона (1886–1982) (Якобсон 1987), Д. Лихачева (1906–1999) (Лихачев 1995), В. Жирмунского (1891–1971) (Жирмунский 1977), Е. Эткинда (1918–1999) (Эткинд 1999), Ю. Борева (1925–2019) (Борев 1981), Б. Гаспарова (Гаспаров 1992), О. Богдановой (Богданова 2017), А. Перзеке (Перзеке 2010) и др.

Отправной точкой для раскрытия поднятой в статье проблемы – метафора как основной элемент дискурса, – проблемы, которая не теряет своей актуальности, ибо метафора – самый таинственный троп, служат размышления М. Бахтина о дискурсе. Не случайно В. Тюпа заострил на этом внимание (Тюпа 2011). Именно М. Бахтин вложил в свое философское определение дискурса, на наш взгляд, такой всеобъемлющий смысл, что все существующие определения поглощаются бахтинской дефиницией, не теряя при этом возможности служить инструментом для решения определенных задач, которые ставят перед собой специалисты разных наук. Иными словами, широко употребляемое определение метафоры Аристотелем и определения идущих за ним философов и литературоведов нежелательно считать категорично опровергнутыми или просто скорректированными последующими дефинициями. Точнее будет говорить о том, что каждое определение метафоры отмечало что-то из ранее упущенного или упрощенного в понимании этого сложного тропа. И не только, ибо иногда новое определение метафоры указывало на какие-то вновь проявляющиеся ее свойства, позволяющие ей выполнять новые функции и увеличивать свои смыслообразующие возможности. Об этом свидетельствует уже заглавия монографии Н. А. Мишанкиной „Метафора в науке:

парадокс или норма?” (2010), статьи А. А. Немыки „Специфика художественных дискурсов с элементами метаязыка лингвистики” (2015), написанной на материале метафор С. Довлатова („Компромисс”) и В. Пелевина („Empire V”). Но главное подтверждение сказанному находим в текстах о Павла Флоренского.

Возникает вопрос о соотношениях метафоры и дискурса, взятого в понимании М. Бахтина. И здесь отметим следующее: метафора – явление живое, метафора – парадигма (П. Рикёр прав), „она, как пороги на реке”, заставляет кипеть мысль реципиента (см.: Рикёр 1990). Пушкинское метафорическое заглавие поэмы / повествования „Медный всадник” – тому доказательство. Хотя трактовок самого названия, нахождение в нем сокрытых смыслов и осознания их множество (Бахмутский 1994; Брюсов 1975), но они не исчерпывают их всех. Процесс обнаружения или даже зарождения новых в нем смыслов кажется бесконечным. Однако секрет раскрывается, если исходить из бахтинского определения дискурса. Дело в том, что в этом случае обнажаются диалогические отношения креативного и информированного реципиента с текстом. А реципиент, как известно, величина переменная. Его пребывание в историческом *временипространстве* (М. Бахтин), запросы этого времени, развитие самого языка способствуют раскодированию заключенных в пушкинском *заглавии / метафоре* смысловых кодов. И к существующим трактовкам добавится еще одна, если задуматься над тем, почему у А. Пушкина всадник *медный*, а конь *живой*: ведь „всадник медный” преследует бедного Евгения „на звонко скачущем коне”. Более того, конь в этот момент как бы отделяется от всадника. Нельзя же забывать о том, что образ коня – это архетип, обретший укоренённые глубоко в подсознание символические значения не только мудрости, силы, но и власти. А отсюда возникает мысль, что и сам Петр Великий, которому этот памятник поставлен, все великое сотворил, опираясь на мощь коня, и зависит от него не меньше, чем символизирующий Россию конь – от него. *Град Петров* был воздвигнут потом, кровью и гением народа. И это уяснение уводит мысль реципиента в подтекстовое и метатекстовые пространства *поэмы / повести*, порождая новые интенции, в том числе и историософского характера, которые не

следует приписывать А. Пушкину. Однако игнорировать их нельзя, ибо возникновение интенций обусловлено смоделированной поэтом реальностью. Ведь именно с образом коня связан судьбоносный вопрос: „Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта?” (Пушкин 1950: с. 393). Над ним задумался и Гоголь, создавая образ Тройки, ища ответ и не находя его:

Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства (Гоголь 1959: с. 260).

Да, знаменитая гоголевская Тройка – метафора, преобразованная в национальном сознании в символ, который „вобрал в себя сказочно-мифологические представления об «огненных конях», волшебной птице” (Мароши 2015: с. 204), – но это и интертекст, парафраза пушкинского восклицания, писатель как бы принял эстафету из рук великого поэта, благодаря чему раскрывается драматургия самого литературного процесса... Этот вопрос не исчезает в последующем. Он, воплощенный в образе тройки – взять хотя бы поэзию А. Блока (см.: Мароши 2015), – вновь постаёт, но в иных метафорических образах. И теперь наравне с русской тройкой метафорами становятся другие способы передвижения – поезд, паровоз, самолет, – обрастая различными коннотациями и в определенной мере соотносясь с экзистенциальными „проклятыми вопросами” человеческого бытия.

Рассматривая вопрос о содержании метафоры *Медный всадник*, нельзя обойти вниманием то ее – немислимое для современников А. Пушкина – прочтение, которое вызвано развитием самого языка, а также переменой миропредставлений. В частности, эпитет *медный* приобрел иное оценочное значение, вызывая иные ассоциации и порождая неожиданные смыслы. Впервые это с указанием интерпретаций Ю. Борева акцентировано – и справедливо – в богдановской монографии „Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX в.”:

Трактовка некоторых исследователей эпитета „медный”, – пишет О. Богданова, – в названии поэмы как „сниженного” (в сравнении, кажется, более высоким, с точки зрения современного языка, „бронзовый”) и на этом основании заключение о том, что это определение выражает истинное отношение поэта к Петру, т. е. „обличает” Петра, – нарушает принцип историзма... В XIX в. именно эпитет „медный” использовался для привнесения возвышенности и поэтичности в описание тех или иных реалий и событий, особенно это относилось к картинам военного характера (Богданова 2017: с. 46).

Соглашаясь с О. Богдановой, все-таки важно отметить и другое: сам факт возникновения боревской трактовки образа Петра на основе изменения оценочного характера в слове „*бронзовый*” показателен: он красноречиво свидетельствует о возможных со временем сдвигах в заложенных ранее в текст смыслах, что повлекло за собой и изменение в самом характере понимания дискурса. Имея это в виду, с одной стороны, необходимо с осторожностью относить подобные оценки к самому А. Пушкину, а с другой – с не меньшей необходимостью понимать то, как происходящие в языке процессы влияют на жизнь в сознании реципиента каждого *высказывания* в художественном тексте в иную эпоху.

Не менее значимым для теоретического осмысления проявленных специфических свойств метафоры в художественном тексте является рассмотрение вопроса о реализации в дискурсе метафоры-концепта. И понять, как выражает дискурс пушкинского „Медного всадника”, взаимодействуя с метафорой-концептом, основные конфликты эпохи и одновременно создает живописно-яркие, динамичные картины *наводнения* в Петербурге 1824 г. Точность и выразительность художественного изображения наводнения, достигнутая разными средствами, включая ритмико-интонационную структуру стиха и метафоры, подкрепляется, если пушкинский текст сопоставить с текстом картины художника Фёдора Яковлевича Алексеева (1753 или 1754–1824) „На площади у Большого театра 7 ноября 1824 года”, успевшего закрепить увиденное на полотне буквально накануне свой смерти (см.: Алексеев 1824).

Слово *наводнение* возникает, чтобы потом вроде бы исчезнуть, в своем доминантном значении в „Предисловии”, которое, как и

„Примечания”, будто бы не связано с текстом поэмы, но это только видимость, что становится очевидным, если обратить внимание на месторасположение „Предисловия”: оно идет после заглавия и подзаголовка: „«Медный всадник». Петербургская повесть”. Смыслообразующую роль этой части пушкинского текста раскрыла О. Богданова, указав на значимость характерной для А. Пушкина „игры жанровыми дефинициями” (Богданова 2017: с. 46–47). И только по завершении проясняется (графика Т. Гундоровой), что *наводнение* не исчезало никогда, а постепенно превращалось в метафору. Да, оно выражалось через метафорический и олицетворенный образ Невы, которой свойственны все человеческие выражения своего состояния: „*Нева металась...*” (Пушкин 1950: с. 382), „*Нева всю ночь / Рвалась к морю*” (Пушкин 1950: с. 384).

...Нева / Обратно шла, гневна, бурлива / И затопляла острова, /
Погода пуще свирепела, / Нева вздувалась и ревела / Котлом клокоча
и клубясь, / И вдруг, как зверь остервенясь, / На город кинулась.
Пред нею / Всё побежало, всё вокруг / Вдруг опустело – воды вдруг /
Втекли в подземные подвалы, / К решеткам хлынули каналы, /
И всплыл Петрополь, как тритон, / По пояс в воду погружен / Осада!
приступ! злые волны, / Как воры, лезут в окна... (Пушкин 1950:
с. 384–385).

На лицо градация, но сначала все идет по нарастающей: создается картина отчаянной борьбы. Метафора: „На город кинулась” – кульминация, после чего Нева как бы обессилено обмякла, сдалась – и волны хлынули... Ритм перешел в плавность – и открылись картины реального *наводнения*: слова нет, а образ есть.

Но дальше вдруг энергично используется военная лексика наступательного боя, а еще дальше – лексика грабежей...

Теперь само *наводнение* – ассоциативная метафора, вызывает в сознании реципиента образ вооруженного восстания декабристов... Но не только это: в контекст втягиваются, прежде всего, и „История Пугачева”, и „Капитанская дочка”. Иными словами, с помощью метафор пушкинский дискурс организуется так, что картина *наводнения* в тексте в подтексте превращалась в эпический образ стихийного и жестокого народного бунта, о неминуемости которого и напомнит бедный Евгений, пригрозив Медному всаднику:

„Добро, строитель чудотворный! <...> Ужо тебе!..” (Пушкин 1950: с. 393). В результате дискурс А. Пушкина в подтекстовое пространство уводит не только само событие на Сенатской площади 25 декабря 1825 г., о чем писал еще Д. Благой, но и – как предупреждение – память о крестьянской войне Е. И. Пугачева. Одновременно пушкинский дискурс активен: он позволяет реципиенту новых эпох вовлечь в метатекстовое пространство „Медного всадника” роман М. Горького „Жизнь Клима Самгина”, в частности сцену – Клим у памятника Петру – и оценить в своих интенциях дальновидность А. Пушкина.

И здесь самое время вспомнить методологические подходы Ю. Борева. Ученый, введя термин *перетекание*, тем самым обозначил и характерную особенность пушкинского дискурса, прием *игры* распространился и на отношения реальной картины с метафорической, что позволило Ю. Бореву сказать: „Нева державна, как Петр, безумна и мятежна, как Евгений. Река сопрягает бедного безумца с царем и делает их сравнимыми и известными качествами даже «перетекающими» друг в друга” (Борев 1981: с. 383). Процесс *перетекания* осуществляется благодаря взаимодействию метафоры со сравнением: „*Нева металась, как больной*”¹.

Но дискурс А. Пушкина таков, что он не может быть исчерпан даже такими глубокими, хотя и не бесспорными интерпретациями

¹ В „Большом толково-фразеологическом словаре Михельсона” приводится сопоставление пушкинской строки со строками В. Жуковского:

**Нева металась, какъ больной,
Въ своей постели безпокойной.**

А. С. Пушкинъ. Мгднѣй всадникъ.

Поясн. (иноск.) – о бушующихъ волнахъ.

Ср. Волны кипѣли и выли, свирѣпо на берегъ высокій

Съ моря бросааясь.

Гом. Одисс. перев. Жуковскаго. 5, 402–3.

(См.: <https://slovar.wikireading.ru/4206441>).

Это сравнение интересно еще и тем, что оно создает контекст, в котором, с одной стороны, благодаря взаимодействию в метатекстовом пространстве родственных предикативных метафор в воображении креативного реципиента возникает живописная жанровая кинокартина, кадры, где потерявший рассудок больной *мечется, воет, свирепеет*. Контаминация *этих двух метафор*, расположенных по принципу градации, представляет параллельно олицетворенный образ безумной *стихии*. Этот попутный образ, – в определенной степени натуралистический – лишней в пушкинском тексте, но вне его все-таки играет свою роль. Во-вторых, уводит к античности, позволяет воспринять образ *стихии*, уходящей корнями в глубину веков.

текста „Медного всадника”, какие наблюдаются у Ю. Борева, о чем свидетельствует появление работы Е. Эткинда с красноречивым заглавием: „Сколько смыслов в «Медном всаднике?»”, С. Бураго, О. Богдановой, А. Перзекке и др. Все они убеждают в том, что метафоры поэмы по своему назначению двойственны.

Рассмотрение соотношений метафоры и дискурса приводит к выводу, что метафора, не являясь составной частью дискурса, взаимодействует с ним, но сохраняет свою смыслообразующую самостоятельность². Думается, что, размышляя о метафоре, целесообразно не упускать из виду взгляды о. П. Флоренского на мысль, язык и поэзию, уясняя себе их концептуальность и продуктивность. В частности, речь идет о внешней и неизменной в определенной степени форме слова (тела) и о внутренней форме (душе) как явлению „самой жизни духа” (Флоренский 1990: с. 233). И здесь уместно будет по-новому отнестись к тем свойствам, которые проявляет метафора. А следовательно, необходимо рассмотреть вопрос и о метафоре в художественном, философском и научном дискурсах, в частности месте метафоры в трудах о. П. Флоренского. Не следует упускать из виду, что и в философском дискурсе привычные, кажется, устоявшиеся окончательно положения тоже колеблются. Заслуживает внимания замечание Г. Соловьевой:

Согласно логике фантазии или поэтической логике, – пишет исследовательница, – наиболее продуктивно мыслить и обобщать позволяет именно метафора, многозначность, воображение. Адорно идет вслед за Вико, Гаманом, Ницше, которые „определили метафору не только как средство воздействия высказывания, но

---

² Соглашаясь с А. Шароновой, что „метафора и символ не тождественны” (Шаранова), считаем, что метафора может перерасти в символ, что и наблюдается в гоголевском дискурсе: образ реальной тройки, уносящей Чичикова, ассоциативно вызывают соотношения и уподобления: „Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься?” (метафора) (Гоголь 2012: с. 232): „Не так ли и ты...” – *сравнение*; „необгонимая тройка” – *метафора*, ибо сохраняется реальный образ, затем тройка переходит в символ, который меняет и направление в дискурсе, и устремленность самой мысли: „Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства” (Гоголь 1959: с. 260). Образ тройки максимально удален, о нем напоминает только звенящий колокольчик...

одновременно как средство, способствующее обогащению производительности философского мышления. Метафора может быть «органом философии» (Соловьёва 2011: с. 149).

Это отчетливо проявляется в религиозно-философском в определенном смысле уникальном по своей выразительности дискурсе труда П. А. Флоренского, носящего метафорический характер – „У водоразделов мысли” (Сергієвъ Посадъ, 1918).

Водороздел мысли – это метафорическое словосочетание, которое является ремой по отношению к находящейся в подтексте теме – понятию различения функций внешней и внутренней форм слова. Метафорический образ *водораздела мысли* у о. П. Флоренского наполняет абстрактное *понятие* жизненностью, чем способствует его претворению в живой образ и переводит знание на другой уровень восприятия. Иными словами, знание становится таким опытом, корда, кажется, и слов не надо. Благодаря визуальному образу *водораздела*, становится особенно ясно, что

...язык предстоит духу как целое, уже готовое, сразу обозреваемое, хотя, в то же время, он – только по-мгновенно творится духом и существует лишь постольку и лишь тогда, поскольку и когда творится (Флоренский 1990: с. 163).

Иначе ведут себя не только в научном, но прежде всего в художественном тексте метафоры исторические в соответствующих дискурсах, о чем доказательно представлено в монографии Леха Гемзы (Gemza 2015).

Следующая проблема – рассмотрение индивидуальных метафор, которые не могут быть растиражированными. Речь идет, в частности, о метафоре Александра Гатова, который в 1939 г. опубликовал в журнале „Октябрь” несколько стихотворений из цикла „Париж”, в том числе последнее стихотворение: „**ПОВЕСТЬ**” в одно предложение: „Он в зеркало смотрел, как в уголовный кодекс”, – где зеркало является емкой метафорой.

Зеркало выступает как прокурор, сторона обвинения и судья. Оно вмещает в себя биографическое время-судьбу. Соблюдена хронотопичность – перед героем проходит вся его преступная жизнь, содеянное зло и наказания – тюрьмы, выход из них, вновь

преступления и вновь тюрьмы... Вероятно, ему вспоминались и его жертвы... Метафора дает представление и о его психологическом состоянии страха и безнадежности. Одновременно все идет через его память и трезвую самооценку. Дискурс как *высказывание-исповедь* героя перед самим собой, с его отношением к ценностям, к заменяющим их анти-ценностям – все это в одной метафорической строке.

О безграничном многообразии метафоры говорит и писательское инклюзивное определение ее. Вот яркий пример из довлатовских „Анекдотов из жизни И. Бродского”:

Помню Иосиф Бродский высказался следующим образом:

– Ирония есть нисходящая метафора.

Я удивился:

– Что это значит – нисходящая метафора?

– Объясняю, – сказал Иосиф, – вот послушайте: „Её глаза, как бирюза” – это восходящая метафора. А „ее глаза, как тормоза” – это нисходящая метафора (Волкова и Довлатов 1998: с. 102).

Глубокий анализ характера метафор у С. Довлатова проводит А. Немыка на материале довлатовского текста „Компромисс” (Немыка 2015).

Одновременно текст, взятый за целостное в понятии М. Бахтина высказывание, создает образ живого И. Бродского, характеризует мышление поэта, раскрывает его стремление осмыслить и свойства метафоры в ее незастывшем виде. Но довлатовский дискурс вмещает в себя и эстетические представления самого С. Довлатова.

В другом контексте довлатовского текста „Компромисс” (Компромисс пятый), где спор идет об идеологических позициях, метафора объявляется подпольной кличкой лжи, что придает нейтральному лингвистическому термину отрицательную оценочность:

– В стране, где основного мертвеца еще не похоронили... Само название которой лживо...

– По-твоему, все – ложь!

– Ложь в моей журналистике и в твоих паршивых стихах! Где ты видел эстонца в космосе?

– Это же метафора.
– Метафора... У лжи десятки таких подпольных кличек!
(Довлатов 2017: с. 215).

Очевидно, что метафора может превращаться из способа выражения в тему, не теряя ничего из своей основной функции. В подтекстовом и затекстовом пространствах предстает человек, который живет и действует в каком-то противоестественном мире тотального обмана, который, не принимая его, в то же время содействует ему.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что отношения метафоры с дискурсом не только сложны, но сами по себе уже смыслообразующие. Порой каждый отдельный случай требует не только детального рассмотрения, но и применения разнообразного инструментария. А методологические подходы к этой проблеме могут в зависимости от конкретных задач исследования опираться на все существующие дефиниции дискурса, ибо каждый из них содействует приоткрытию новых сторон взаимодействия метафоры с дискурсом, но только при этом нельзя забывать всеобъемлющего значения бахтинского его определения.

Алексеев, Ф. Я. (1824). На площади у Большого театра 7 ноября 1824 года. *Руниверс*. URL: https://runivers.ru/gal/gallery-all.php?SECTION_ID=7590&ELEMENT_ID=580494 (дата звернення: 10 грудня 2019).

Бахмутский, В. Я. (1994). *В поисках утраченного (от классицизма до Умберто Эко)*. Москва : МПП „Измайлово”, 276 с.

Богданова, О. В. (2017). *Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.* Изд. 2, дополненное. Санкт-Петербург : ИПК Береста, 560 с.

Борев, Ю. Б. (1981). *Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения „Медного всадника”*. Москва : Советский писатель, 399 с.

Брюсов, В. Я. (1975). *Медный всадник. Собрание сочинений*. В 7 томах. Москва : Художественная литература, т. 7, с. 30–61.

Бураго, С. Б. (2013). *Набег язычества на рубеже веков*. Киев : Издательский дом Дмитрия Бураго, 672 с.

Вайскопф, М. (2003). *Птица-тройка и колесница души. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов*. Москва : Новое литературное обозрение, с. 197–219.

- Волкова, М., Довлатов, С. (1998). „Там жили поэты...”. Санкт-Петербург : Звезда, 112 с.
- Гаспаров, Б. М. (1992). *Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка*. Wien : Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 396 с. <https://doi.org/10.3726/b12886>
- Гатов, А. Б. (1939). Из цикла „Париж”. *Октябрь*, № 5–6, с. 44–45.
- Довлатов, С. (2017). Компромисс. *Собрание прозы*. В 4 томах. Санкт-Петербург : Азбука, т. 1, с. 181–344.
- Гоголь, Н. В. (1959). *Собрание сочинений*. В 6 томах. Москва : Государственное издательство художественной литературы, т. 5, 576 с.
- Жирмунский, В. (1977). Поэтика Александра Блока. *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. Ленинград : Наука, с. 205–237.
- Лихачев, Д. С. (1995). Поэтика „Слова”. *Энциклопедия „Слова о полку Игореве”*. В 5 томах. Т. 4. П–Слово. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, с. 171–175.
- Мароши, В. В. (2015). Тройка как символ исторического пути России в русской литературе XX века. *Филология и культура. Philology and culture*, № 2 (40), с. 204–209.
- Мишанкина, Н. А. (2010). *Метафора в науке: парадокс или норма?* Томск : Издательство Томского государственного университета, 282 с.
- Немыка, А. А. (2015). Специфика художественных дискурсов с элементами метаязыка лингвистики. *Пушкинские чтения–2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст*. Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, с. 360–369. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-hudozhestvennyh-diskursov-s-elementami-metayazyka-lingvistiki> (дата звернения: 10 грудня 2019).
- Перзекке, А. Б. (2010). Образ Евгения в поэме „Медный всадник” и проблемы пушкинского гуманизма. *Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство*, вип. 3.1, с. 26–32.
- Питолин, Д. В. (2017). Метафорическое моделирование концепта „чужой” в рамках дихотомии „свой-чужой” в сборнике рассказов Дж. Диаса „Drown”. *Уральский филологический вестник. Серия Психолингвистика в образовании*, № 2, с. 73–78.
- Пушкин, А. С. (1950). *Полное собрание сочинений*. В 10 томах. Москва; Ленинград : Издательство АН СССР, т. IV, 552 с.
- Резанова, З. И., Катунин, Д. А., Мишанкина, Н. А. (2003). Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования). *Вестник Томского государственного университета. Сер. „Философия. Культурология. Филология”*, № 277, с. 164–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-v->

- [yazykovoy-kartine-mira-k-obosnovaniyu-metodov-issledovaniya](#) (дата звернення: 10 грудня 2019).
- Рикёр, П. (1990). Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. *Теория метафоры*. Москва : Прогресс, с. 418–434.
- Соловьёва, Г. Г. (2011). Теодор Адорно и его “Эстетическая теория”: современный взгляд. *Историко-философский ежегодник 2010*. Москва : Центр гуманитарных инициатив, с. 145–170. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Istoria_filosofi/2011_7/8.pdf (дата звернення: 10 грудня 2019).
- Турачина, Н. А. (2015). Метафорическое моделирование мира как конструкт реальности в художественном дискурсе. *Наука. Искусство. Культура*, вып. 2 (6), с. 252–256. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-mira-kak-konstrukt-realnosti-v-hudozhestvennom-diskurse> (дата звернення: 10 грудня 2019).
- Тюпа, В. И. (2011). Жанр и дискурс. *Критика и семиотика*, вып. 15, с. 31–42.
- Флоренский, П. А. (1990). *У водоразделов мысли*. Москва : Правда, 447 с.
- Шаронова, А. А. *Метафора и символ*. URL: <https://tstu.ru/science/seminar/konf6/pdf/078.pdf> (дата звернення: 10 грудня 2019).
- Эткинд, Е. Г. (1999). Сколько смыслов в „Медном всаднике”? *Русский журнал*, 21 декабря 1999. URL: http://old.russ.ru/edu/academ/19991221_2.html (дата звернення: 10 грудня 2019).
- Якобсон, Р. (1987). *Работы по поэтике*. Москва : Прогресс, 464 с.
- Gemza, L. (2015). *Metafory historyczne*. Lublin : Wydawnictwo KUL, 235 s.

МЕТАФОРА ЯК ОСНОВНИЙ ЕЛЕМЕНТ ДИСКУРСУ

Луїза Костянтинівна Оляндер

orcid.org/0000-0001-8744-4568

olk32@ukr.net

Доктор філологічних наук, професор, завідувача кафедрою

Кафедра слов'янської філології

Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки

Вул. Винниченка, 30А, 43025, м. Луцьк, Україна

Анотація. У статті поставлено питання про співвідношення метафори і дискурсу. Метафора характеризується як основний елемент дискурсу. При аналізі опора йде на бахтінське його розуміння, коли дискурс постає як „ціле висловлювання”, як „одиниця мовного спілкування”, які мають не значення, а „смісл, що має відношення до цінності – до істини, краси і т. п. – і вимагає відповідного розуміння, що містить в собі оцінку”. З цих позицій на матеріалі

пушкінського „Мідного вершника”, творів С. Довлатова, праць о. П. Флоренського та ін. доводиться, що метафора – явище живе, що „метафора – парадигма”, вона, „як пороги на річці, змушує кипіти думку реципієнта” (П. Рікер). Метафора розглядається як спосіб, що сприяє збагаченню продуктивності філософського мислення, і може бути „органом філософії” (Т. Адорно).

Ключові слова: зовнішня форма слова, внутрішня форма слова, дискурс, дух, звук, метафора, концепт, філософія, художньо-філософська думка, метамова.

METAPHOR AS DISCOURSE MAIN ELEMENT

Luiza Oliander

orcid.org/0000-0001-8744-4568

olk32@ukr.net

Slavic Philology Department

Lesia Ukrainka Eastern European National University

Vynnychenka str., 30A, 43025, Lutsk, Ukraine

Abstract. The article deals with the relationship between metaphor and discourse. The metaphor is characterized as the main element of discourse. In the analysis, the emphasis is on its understanding by Bakhtin, when the discourse appears as a “whole utterance”, as a “unit of verbal communication”, which has not meaning, but “meaning related to value – truth, beauty, etc. – and requires a reciprocal understanding which includes an assessment.” According to these positions, on the material of Pushkin’s “The Bronze Horseman”, the works of S. Dovlatov, the works of P. Florensky and others it is proved that the metaphor is a living phenomenon, that “metaphor is a paradigm,” it, “like rapids on a river, makes the recipient's mind boil” (P. Ricoeur). A metaphor is examined as a means of enriching the productivity of philosophical thinking, and it can be a “body of philosophy” (T. Adorno).

Keywords: external form of a word, internal form of a word, discourse, spirit, sound, metaphor, concept, philosophy, literary and philosophical thought, metalanguage.

References

- Alekseev, F. Y. (1824). Na ploshchadi u Bol'shogo teatra 7 noiabria 1824 goda [On the square near the Bolshoi Theater on November 7, 1824]. *Runivers*. (in Russian). URL: https://runivers.ru/gal/gallery-all.php?SECTION_ID=7590&ELEMENT_ID=580494 (accessed: 10 December 2019).

- Bakhtmutskii, V. Y. (1994). *V poiskakh utrachennogo (ot klassitsizma do Umberto Eko)* [In search of the lost (from Classicism to Umberto Eco)]. Moscow : MPP "Izmailovo", 276 p. (in Russian).
- Bogdanova, O. V. (2017). *Sovremennyi vzgliad na russkuiu literaturu XIX – serediny XX vv.* [A modern view of Russian literature of the 19th – mid-20th centuries]. Saint Petersburg : IPK Beresta, 560 p. (in Russian).
- Borev, Y. B. (1981). *Iskusstvo interpretatsii i otsenki. Opyt prochteniia "Mednogo vsadnika"* [The art of interpretation and evaluation. Experience of reading "The Bronze Horseman"]. Moscow : Sovetskii pisatel', 399 p. (in Russian).
- Bryusov, V. Y. (1975). *Mednyi vsadnik* [The Bronze Horseman]. *Sobranie sochinenii*. In 7 volumes. Moscow : Khudozhestvennaia literatura, vol. 7, pp. 30–61. (in Russian).
- Burago, S. B. (2013). *Nabeg iazychestva na rubezhe vekov* [Pagan raid at the turn of the centuries]. Kyiv : Izdatel'skii dom Dmitriia Burago, 672 p. (in Russian).
- Vaiskopf, M. (2003). *Ptitsa-troika i kolesnitsa dushi* [The Bird-Troika and the Chariot of Soul]. *Ptitsa-troika i kolesnitsa dushi: Raboty 1978–2003 godov*. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 197–219. (in Russian).
- Volkova, M., Dovlatov, S. (1998). „*Tam zhili poety...*” [“Poets used to live there...”]. Saint Petersburg : Zvezda, 112 p. (in Russian).
- Gasparov, B. M. (1992). *Poeticheskii iazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo iazyka* [Pushkin's poetic language as a phenomenon from the history of the Russian literary language]. Wien : Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 396 p. (in Russian). <https://doi.org/10.3726/b12886>
- Gatov, A. B. (1939). Iz tsikla "Parizh" [From the cycle "Paris"]. *Oktiabr'*, no. 5–6, pp. 44–45. (in Russian).
- Dovlatov, S. (2017). *Kompromiss* [Compromise]. *Sobranie prozy*. In 4 volumes. Saint Petersburg : Azbuka, vol. 1, pp. 181–344. (in Russian).
- Gogol, N. V. (2012). *Sobranie sochinenii*. V 6 tomakh [Collected works. In 6 volumes]. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, vol. 5, 576 p. (in Russian).
- Zhirmunsky, V. (1977). *Poetika Aleksandra Bloka* [Poetics of Alexander Blok]. *Teoriia literatury. Poetika. Stilistika*. Leningrad : Nauka, pp. 205–237. (in Russian).
- Likhachov, D. S. (1995). *Poetika "Slova"* [Poetics of the "Word"]. *Entsiklopediia "Slova o polku Igoreve"*. In 5 volumes. Saint Petersburg : Dmitrii Bulanin, vol. 4, pp. 171–175. (in Russian).
- Maroshi, V. V. (2015). *Troika kak simvol istoricheskogo puti Rossii v russkoi literatury XX veka* [Troika as a symbol of Russia's historical path in Russian literature of the twentieth century]. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*, no. 2 (40), pp. 204–209. (in Russian).

- Mishankina, N. A. (2010). *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?]. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 282 p. (in Russian).
- Nemyka, A. A. (2015). Spetsifika khudozhestvennykh diskursov s elementami metaiazyka lingvistiki [Specifics of literary discourses with the elements linguistic meta-language]. *Pushkinskie chteniia–2015. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst*. Saint Petersburg : Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina, pp. 360–369. (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-khudozhestvennykh-diskursov-s-elementami-metayazyka-lingvistiki> (accessed: 10 December 2019).
- Perzeke, A. B. (2010). Obraz Evgeniia v poeme “Mednyi vsadnik” i problemy pushkinskogo gumanizma [The image of Eugene in the poem “Copper Rider” (“Mednyi Vsadnyk”) and the problem of Pushkin’s humanism]. *Naukovi zapysky Kharkivs'koho natsional'noho pedahohichnoho universytetu im. H. S. Skovorody. Ser.: Literaturoznavstvo*, iss. 3.1, pp. 26–32. (in Russian).
- Pitolin, D. V. (2017). Metaforicheskoe modelirovanie kontsepta “chuzhoi” v ramkakh dikhotomii “svoi-chuzhoi” v sbornike rasskazov Dzh. Diaza “Drown” [Metaphorical modeling of the concept “alien” within the dichotomy “one’s own-alien” in the short story collection “Drown” by J. Díaz]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriiia Psikholingvistika v obrazovanii*, no. 2, pp. 73–78. (in Russian).
- Pushkin, A. S. (1956–1958). *Polnoe sobranie sochinenii. V 10 tomakh* [Complete works. In 10 volumes]. Moscow : Izdatel'stvo AN SSSR, vol. IV, 552 p. (in Russian).
- Rezanova, Z. I., Katunin, D. A., Mishankina, N. A. (2003). Metaforicheskoe modelirovanie v iazykovoii kartine mira (k obosnovaniuu metodov issledovaniia) [Metaphorical modelling on the naive representation of the world (in respect with the methods of studi)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. “Filosofiiia. Kul'turologiia. Filologiia”*, no. 277, pp. 164–171. (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-v-yazykovoy-kartine-mira-k-obosnovaniyu-metodov-issledovaniya> (accessed: 10 December 2019).
- Ricœur, P. (1990). Metaforicheskii protsess kak poznanie, voobrazhenie I oshchushchenie [Metaphorical process as cognition, imagination and sensation]. *Teoriiia metafory*. Moscow : Progress, pp. 418–434. (in Russian).
- Soloviyova, G. G. (2011). Teodor Adorno i ego “Esteticheskaiia teoriia”: sovremennyi vzgliad [Aesthetic theory of Theodor Adorno: the modern look]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2010*. Moscow : Tsentr gumanitarnykh initsiativ, pp. 145–170. (in Russian). URL:

- http://www.intelros.ru/pdf/Istoria_filosofi/2011_7/8.pdf (accessed: 10 December 2019).
- Turanina, N. A. (2015). Metaforicheskoe modelirovanie mira kak konstrukt real'nosti v khudozhestvennom diskurse [Metaphorical Modelling World as a Construct of Reality in Literary Discourse]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, iss. 2 (6), pp. 252–256. (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-mira-kak-konstrukt-realnosti-v-hudozhestvennom-diskurse> (accessed: 10 December 2019).
- Tjupa, V. I. (2011). Zhanr i diskurs [Genre and discourse]. *Kritika i semiotika*, iss. 15, pp. 31–42. (in Russian).
- Florensky, P. A. (1990). *U vodorazdelov mysli* [At the “watersheds” of thought]. Moscow : Pravda, 447 p.
- Sharonova, A. A. *Metafora i simvol* [Metaphor and symbol]. (in Russian). URL: <https://tstu.ru/science/seminar/konf6/pdf/078.pdf> (accessed: 10 December 2019).
- Etkind, E. G. (1999). Skol'ko smyslov v “Mednom vsadnike”? [How many meanings are there in “The Bronze Horseman”?]. *Russkii zhurnal*, 21 December 1999. (in Russian). URL: http://old.russ.ru/edu/academ/19991221_2.html (accessed: 10 December 2019).
- Jakobson, R. (1987). *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow : Progress, 464 p. (in Russian).
- Gemza, L. (2015). *Metafory historyczne*. Lublin : Wydawnictwo KUL, 235 s.

Suggested citation

Oliander, L. (2020). Metafora kak osnovnoi element diskursa [Metaphor as Discourse Main Element]. *Pitannâ literaturoznavstva*, no. 101, pp. 109–125. (in Russian). <http://doi.org/10.31861/pytlit2020.101.109>

Стаття надійшла до редакції 19.12.2019 р.
Стаття прийнята до друку 3.07.2020 р.